

Когда Михаил Горбачев лишился власти, многие комментаторы решили, что пришла пора судить его по историческим меркам, причем, по-видимому в силу характера самого события, уделяя больше внимания его недостаткам и ошибочным шагам. Выступая в аналитической программе Макнила и Лерера, Збигнев Бжезинский поставил Горбачеву в заслугу «мирный демонтаж советской тоталитарной системы», однако добавил, что этот «исторический триумф» стал и «его личной трагедией», потому что получилось «то, что не входило в его намерения». Далее Бжезинский сравнил Горбачева с Борисом Ельциным - в пользу последнего. Горбачев, сказал Бжезинский, «хотел реформировать систему, улучшить ее, сделать ее более благопристойной, более человеческой, приятнее на вкус. Усилия, которые он предпринимал в этом направлении, все больше и больше толкали его на путь далеко идущих реформ, но все равно это были реформы той же системы. Ельцин же в определенный момент признал, что систему реформировать невозможно, ... и я думаю, что именно поэтому Ельцин сегодня на вершине, а Горбачев остался не у дел».

После отставки Горбачева и официального роспуска государства, которым он руководил, возникло впечатление, что мир вышел к новому рубежу. Но, судя по высказываниям Бжезинского и других, большинству из нас потребуется время, чтобы разобраться в переменах, произошедших за последние пять лет. Например, есть опасность с легкостью забыть, что в 1985 году, когда Горбачев стал генеральным секретарем ЦК КПСС, «демократической оппозиции» просто не было - иными словами, отсутствовала та политическая среда, в которой появился Ельцин, каким мы его знаем сегодня. Поначалу переделка советского общества была делом чуть ли не одного человека, то есть Горбачева и горстки его соратников. Ельцин, не входивший в этот первоначальный ближний круг, был тогда провинциальным партийным секретарем, известным своим категорическим неприятием коррупции, что, впрочем, было характерно не только для него. Он оказался в Москве по воле Горбачева и стал реформатором второй волны, то есть одним из тех, чья смелость крепла постепенно, под крылом Горбачева. Сегодня Ельцин не только президент России, но и сторонник ускоренного перехода к рыночной экономике, и в этой роли, также как и в прежнем своем «воплощении», ему есть на кого опереться – возникло своего рода движение. Горбачеву пришлось труднее – движение, если оно и было, не решалось назвать себя таковым.

Процесс, в результате которого появился Горбачев, осмыслен пока еще далеко не полностью. Одно из откровений последнего времени - автобиографическая подробность, о которой до позапрошлого года он сам никогда не упоминал в своих выступлениях, - состоит в том, что при Сталине оба его деда были арестованы, и что при приеме в партию от него потребовали, чтобы он объяснил, какие преступления совершил его дед по материнской линии (и, как можно предположить, отмежевался от них). Мы также знаем, что

еще в молодости, в 50-ые годы, когда Горбачев проходил практику в прокуратуре, у него сложилось неприязненное отношение к партийным карьеристам («Смотришь на какого-нибудь здешнего начальника - ничего выдающегося, кроме живота», - писал он своей жене Раисе), а в доверительных разговорах он высказывал взгляды, которые, как писал Эдуард Шеварднадзе, «выходили за рамки предписанных норм». Но до сих пор остается загадкой, как, проходя по карьерным ступеням одной из самых циничных бюрократических систем, известных в истории, он сумел сохранить свою юношескую позицию, как человек, ставший в конце концов генеральным секретарем, смог уберечь свою внутреннюю сущность. И в этом - его отличие не только от Ельцина, но и от множества других политиков во всем мире.

Критики Горбачева называли его «царем-реформатором» по аналогии с Александром II, который освободил крепостных, но в основном остался верным своему воспитанию. Действительно, сначала у Горбачева было лишь два довольно общих ориентира - стремление к большей свободе и к избавлению экономики от груза централизованного контроля. В его представлении эти задачи не были несовместимы с однопартийной системой и с почтительным отношением к Ленину и Революции. Но когда сам ход событий стал диктовать иное, Горбачев быстро формулировал новые позиции, которые позволяли продолжить процесс реформ. Он не пошел по знакомому пути, которым шли имперские реформаторы, в ужасе отступавшие назад и прибегавшие к инструментам репрессий, когда события выходили из-под контроля.

У историков есть привычка делать переоценку (обычно в сторону понижения) заслуг «великих людей» и их достижений в глазах современников. Уже многие говорили, что избрать новый курс Горбачева вынудили - или, во всяком случае, сильно подтолкнули - отчаянное экономическое положение и твердая позиция западного военного альянса. В будущем этот список содействующих факторов может быть пополнен: кто-то скажет, что в тот момент, когда Горбачев пришел к руководству, убожество окостеневшей партийной элиты было настолько очевидно, что

любому руководителю просто невозможно было продолжать действовать по-старому. Другие заметят, что благодаря «оттепелям», развитию обменов и прорыву в коммуникационных технологиях многие советские граждане смогли познакомиться с реальной жизнью на Западе и сравнить ее с советской действительностью. Но даже если считать, что удивляться надо не столько концу советской системы, сколько тому факту, что она просуществовала семьдесят лет, трудно представить себе, что ее мирный конец будет и впредь восприниматься иначе, чем чудо.

Обычно мировые лидеры добивались величия, ведя свои страны на войну, а затем к победе. Горбачев вывел свою страну из войны, из состояния вечной готовности к войне, по сути дела положил конец военной оккупации собственных территорий. И добивался этого, как правило, при неохотном, но все же согласии наиболее ретроградных элементов правящего аппарата. Он не был лидером, который подобно Франклину Рузвельту или Уинстону Черчиллю воодушевлял и вел за собой весь народ. Самую важную свою работу он вел со старой гвардией КГБ, партии и военных, которых он в каждой возникавшей время от времени кризисной ситуации ухитрялся удерживать в рамках, в то время как страна все больше осваивалась с идеями демократизации и демилитаризации. (Августовский путч оказался исключением, которое лишь подчеркивает правило).

Горбачева много критиковали за то внимание, которое он уделял сторонникам жесткой линии. Но в этом как раз и состояло его величие. И если действительно, как сказал Бжезинский, Горбачев председательствовал при демонтаже советской системы, то эта задача требовала поистине ювелирной работы, величайшей осторожности каждого шага. За те семь лет, что Горбачев находился на посту руководителя Советского Союза, он сыграл выдающуюся роль не только в освобождении своей страны и Восточной Европы, но и в избавлении «третьего мира» от манипуляций со стороны сверхдержав и в обуздании гонки вооружений. Он освободил и нашу страну, - хотя мы еще полностью не воспользовались выпавшими нам шансами, - дав нам возможность перераспределить ресурсы на мирные цели и, что не менее важно, оценивать самих себя по критериям более высоким, нежели сравнение с Советским Союзом.

Одной из областей, где Горбачева, при всех его талантах, постигла неудача, где ему не удалось провести в жизнь свой подход, была советская экономика. Последние два года были самыми тяжелыми в новейшей советской истории, и по некоторым недавним оценкам, опубликованным в газетах, популярность Горбачева упала до нескольких процентов. В аналитической программе Макнила и Лерера, которая шла в тот вечер, когда Горбачев объявил

о своей отставке, группа молодых российских студентов факультета журналистики устроила Горбачеву форменный разнос за нерешительность в экономической политике. Но, как стало ясно после того, как Россия приняла решение об отпуске цен, у Горбачева были основания для беспокойства. Вполне возможно, что и любой другой лидер за столь короткий срок не смог бы добиться ничего существенного в реформировании советской экономики.

В своем кратком прощальном выступлении по телевидению, не понятом и обруганном в его стране, Горбачев проявил исключительную честность и откровенность. Всего у нас было много - земли, нефти и газа, других природных богатств, да и умом и талантом Бог не обидел, сказал он, вспоминая ситуацию в Советском Союзе на тот момент, когда он пришел к власти, а жили мы куда хуже, чем в развитых странах... «Общество задыхалось в тисках командно-бюрократической системы. Обреченное обслуживать идеологию и нести страшное бремя гонки вооружений, оно было на пределе возможного». В тот же день в выступлении, посвященном Горбачеву, президент Буш, говоря об экономических трудностях США, охарактеризовал их как «сложные задачи, которые нам предстоит решать у себя дома».

Американцы питают слабость к «великим людям», и мы порой с излишней легкостью приписываем величие людям, которые при более пристальном рассмотрении не вполне этого заслуживают. Однако, если говорить о Горбачеве, то, пожалуй, именно у его критиков не хватает умения видеть перспективу. Стоит ли умалять величие человека, который вместо того, чтобы твердить о превосходстве своей страны, откровенно признал ее ошибки и добивался своего не угрозами и силой, а терпением и настойчивостью?